

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата наук Спалек Оксаны Николаевны
на тему: «Особенности функционирования топонимов и этнонимов в
пространстве польской фразеологии
(на фоне фразеологии китайского языка)»
по специальности 10.02.03 – «Славянские языки»

Фразеологические исследования представляют собой актуальное направление анализа разных языков мира. Тем более это верно в отношении исследования фразеологического материала таких типологически неродственных языков, как польский и китайский, что делает настоящее диссертационное сочинение **актуальным**.

Научную новизну представленного труда составляет отсутствие работ, посвященных анализу топонимов и этнонимов, которые проводились бы на фразеологическом материале польского и китайского языков.

В **первой** главе, посвященной ИС как особой именной категории, определяется место ИС в системе языка, устанавливаются общие черты и различия ИС и имен нарицательных (ИН), рассматривается своеобразие значения ИС, предлагается классификация ФЕ с топонимическими и этнонимическими компонентами.

Несмотря на то, что О.Н. Спалек вдумчиво анализирует имя собственное как особую именную категорию, с сожалением приходится констатировать, что основным недостатком первой теоретической главы является отсутствие примеров, которые появляются только в ее последних абзацах. Примеры – подтверждение правоты автора, их наличие не сильно увеличит объем работы, но сделает авторские рассуждения убедительными, в то время как их отсутствие вызывает у читателя ощущение недосказанности.

В отечественном китаеведении проблемы номинации хорошо разработаны и представлены трудами Н.Н. Воропаева, Л.И. Исаевой и др.,

однако в данном диссертационном исследовании к ним не обращаются. Особенно уместно было бы упомянуть работы Н.Н. Воропаева о прецедентных именах на с. 10 и 11, где речь идет о том, что *«имена живо реагируют на изменения общественной и политической жизни»*.

На с.14 при упоминании китайских имен (*«...возможности для номинации в китайском языке невероятно обширны»*) желательно было бы объяснить механизм их образования (онимизацию): ввиду отсутствия у китайцев готового списка имен в их функции выступают имена нарицательные.

Неоднозначным представляется утверждение автора о том, что *«...следует признать относительную прозрачность этимологии большинства китайских онимов, которые благодаря иероглифической письменности сохраняют первоначальные смысловые значения»* (с. 22). Дело в том, что некоторые иероглифы подверглись упрощению, поэтому их этимология не такая прозрачная.

Некоторые формулировки в первой главе не позволяют понять, что имеет в виду автор. Так, не совсем понятно, что понимается под фразой *«...эстетическая функция выражается в прямой зависимости благозвучия китайских онимов от культурного уровня общества»* (сс. 9-10). Про какой *«целый ряд лингвистов»* идет речь на с. 23? Кому принадлежат выводы, приведенные при перечислении ряда признаков, общих для ИС и ИН (с. 25)? Кто является автором предметно-номинативной типологической классификации, на которую опирается Оксана Николаевна на с. 34? Не понятно, о какой классификации идет речь в выводах на с. 38 (*«данная классификация»*). Не четко сформулирована мысль, выраженная фразой на с. 33 *«...определяет в группы С и D –двусмысленные (допускающие двоякое толкование) и неясные»*.

На с. 35 автор пишет: *«Объем понятия этноним отличается в работах разных исследователей. Одни применяют термин "этноним" в отношении названий наций, народностей, племен и родов (А.В. Суперанская, Г.Ф.*

Ковалев, В.Д. Бондалетов, А.А. Белецкий, А. Cieřlikowa и др.). В трудах отечественных ученых термин "этноним" с 20-х гг. XX в. употребляется для обозначения людей по национальности и государственной принадлежности». Следует ли из данного утверждения, что отечественные ученые противопоставляются вышеперечисленным исследователям?

Вторая глава посвящена топонимам и этнонимам – компонентам ФЕ, определению особенностей их функционирования в рамках фразеологизмов и установлению их роли в формировании значения ФЕ. Проводится многоаспектная классификация топонимов, содержащихся в собранном материале. В ней предлагается рассмотреть топонимические и этнонимические ФЕ как средства выражения национальных стереотипных представлений.

На наш взгляд, рецензируемое диссертационное сочинение только бы выиграло, если бы сопровождалось отдельным приложением со списком ФЕ, проанализированных в исследовании. Это бы позволило верифицировать информацию. Так, на с. 41 указано количество хоронимов, а какие они – не сказано. Приложение позволило бы удовлетворить любопытство читателя.

На с. 42 О.Н. Спалек пишет, что «При этом в китайских ФЕ было зафиксировано название лишь одного современного государства – Китая: нынешнее официальное название 中国 Zhōngguó, устаревшее название 天下 Tiānxià (Поднебесная) и название территории Китая в эпоху Чжаньго 神州 Shénzhōu (также 'родина')». Но, судя по польскому материалу, в исследовании речь идет не только о самом Китае. Поэтому приводимый далее материал (на с. 71) опровергает вышеприведенное утверждение (楚材晋用 Chǔ cái jìn yòng, букв. «talanty из царства Чу использованы в царстве Цзинь»; 鹤背扬州 hè bèi Yáng zhōu, букв. «полететь в Янчжоу на аисте»; 朝秦暮楚 zhāo Qín mù Chǔ, букв. «утром — Цинь, а вечером — Чу»).

Также неоднозначным является высказывание со с. 125 («...США обозначается иероглифом 美 měi 'красивый', Франция – иероглифом 法 fǎ

‘закон’, Англия – иероглифом 英 yīng ‘героический’. Впрочем, подобные номинации могли быть выбраны из дипломатических соображений»). Представляется, что выбор больше обусловлен фонетическим сходством названий стран в европейских и китайском языках.

Пояснения требует фраза на с. 48 *«Многочисленность китайских ФЕ, содержащих редкие для польской фразеологии лимнонимы, пелагонимы и океанонимы, связана и с географическими особенностями Китая – в стране большое количество озер, есть выход к нескольким морям, к Тихому океану, – и с литературным характером источников происхождения ФЕ»*.

На сс. 61-62 Оксана Николаевна приводит разнообразные определения ФЕ, при этом нигде не упомянута ее личная позиция.

Представляется, что приведенное на с. 76 утверждение (*«Как показывает семантический анализ собранного материала, наиболее распространенными видами переосмысления являются метафора и метонимия»*) нуждается в сопровождении статистическими данными, чтобы быть научно обоснованным.

Несколько сумбурно изложена позиция автора по классификации польского фразеологического материала. Так, не понятно, как будет применяться в исследовании классификация Скорлупки на с. 66-67. Перечисленные на с. 69-70 типы ФЕ – это дополнение к классификации Скорлупки?

На чем основан традиционный подход к классификации ФЕ, о существовании которого мы можем заключить из слов автора на с. 73 (*«Помимо традиционного подхода предпринимаются попытки дать структурно-семантическую классификацию ФЕ»*)? На с. 73 после традиционной приведена классификация П.П. Ветрова. При этом отсутствует ее оценка и анализ. Далее (с. 74) говорится, что будет использоваться «традиционная классификация». Тогда с какой целью описывалась классификация П.П. Ветрова и чем она не подходит для исследования?

Спорными являются некоторые варианты перевода китайских ФЕ во второй главе: В китайской фразеологии подобной точкой невозврата являются **пруды** Лэйчи: 不敢越雷池一步 *bù gǎn yuè Léi chí yī bù*, букв. «не осмелиться перейти хотя бы на один шаг линию **реки** Лэйчи» (с. 81); 从南京到北京, 买的没有卖的精 *Cóng Nánjīng dào Běijīng, mǎi de méiyǒu mài de jīng*, букв. «(езде) от Наньцзина до Пекина покупка не так хороша, как товар» (с. 81); «冲出亚洲, 走向世界 *Chōng chū yàzhōu, zǒuxiàng shìjiè*, букв. «выйти из Азии (достичь современного уровня), идти к миру (выйти на мировую арену)», в данном случае топоним 亚洲 'Азия' – синоним неблагополучия, отсталости» (с. 85).

Представляется, что вторая глава бы выиграла, если бы в ней было больше аналитики, выводов и размышлений автора.

В **третьей** главе изучаются семантические особенности, источники происхождения, а также модулируемость и вариативность польских ФЕ с топонимическими и этнонимическими компонентами на фоне соответствующего китайского материала. Отметим, что автор удачно подмечает особенности ФЕ с содержанием топонимических и этнонимических компонентов, поэтому материал, представленный в данной главе, не вызывает принципиальных возражений.

Вместе с тем отметим, что из контекста не понятно, о ком идет речь на с. 148 (об И.И. Ревзине или О.Н. Спалек): «...явления моделируемости было предложено И.И. Ревзиным. **Автор** считает явление...»?

По содержанию диссертации имеется несколько вопросов к ее автору:

1) Почему этнонимы считаются пограничной категорией между ИС и ИН (с. 24)?

2) Встречаются ли среди хоронимов обозначения Китая?

3) На с. 59 в качестве мифологического топонима на китайском языке в пример приводится заимствованный 特洛伊木马 *Tèluòyuī mùmǎ*, букв.

«тroyанский конь». А существуют ли исконно китайские мифологические топонимы?

Помимо вышеизложенного, к диссертации имеется ряд замечаний формального характера, связанных с работой в паре языков «русский – китайский»:

1) В китайском тексте тире должно быть китайского формата (в два раза длиннее), потому что тире латинского образца легко спутать с иероглифом 一 уī ‘один’ (например, 江河发大水 – 后浪推前浪 (с. 45); 梁山泊的吴用 – 足智多谋 (с. 136); 洞庭湖里涨春水 – 一浪高一浪 (с. 47); 天安门前的狮子 – 一对儿 (с. 49) и пр.).

2) В современной традиции имена пишутся без дефиса (с. 63: Сюй Го-цин).

3) Слишком длинные записи в пиньине требуется разделять (с. 45: yuányuǎnliúcháng).

4) ИС в китайской фонетической транскрипции пишутся с прописной буквы: с. 47 tàipíngyáng; с. 82 燕驾越轂 yàn jiàyuègū, букв. «экипаж Йэнь и телега Юэ»; с. 92 福如东海长流水, 寿比南山不老松 Fú rú dōnghǎi cháng liúshuǐ, shòu bǐ nánshān bù lǎosōng; с. 155 吴越同舟 wúyuè tóngzhōu, букв. «жители княжеств У и Юэ в одной лодке». Ср. 胡越同舟 hú yuè tóngzhōu, букв. «жители княжеств Ху и Юэ в одной лодке»; с. 136 «梁山泊的吴用 – 足智多谋 Liángshānpō de wú yòng – zúzhìduōmóu, букв. «У Юн с озера Ляншаньбо – сообразительный, находчивый, смекалистый».

5) Мужские имена, оканчивающиеся на согласный, склоняются, поэтому пишется *исследователем Ма Гофанем*, а не *Ма Гофань* (с. 70). Также склоняется термин чэньюй: «*Важнейший класс в системе фразеологизмов китайского языка образуют чэньюй 成语*») (с. 70, 71).

Кроме того, были зафиксированы следующие единичные недочеты на фоне правильного оформления в остальных случаях:

- 1) отсутствие диакритика с. 49 (er);
- 2) неверный пиньинь с. 47 太行山 Tàixíngshān;
- 3) отсутствие пиньиня: 洞庭湖 里的麻雀 (с. 89); 麦粒掉到太平洋里 – 沧海一粟 и 洞庭湖里漂根草 (с. 90); 凤 凰 山 上 没 凤 凰 (с. 95). В приложении «Список топонимов, функционирующих во фразеологизмах польского и китайского языков» топонимы на китайском языке также следует сопровождать фонетической транскрипцией пиньинь.

Теоретическая база исследования обширна: библиографический список состоит из 202 наименований, 69 из которых представлены работами зарубежных ученых. Помимо этого, приводится список из 35 лексикографических источников. Тем не менее, имеются замечания к содержанию библиографического списка и его оформлению.

Представленные в списке литературы п. 8 (*Баско Н.В., Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг Учебный русско-китайский фразеологический словарь. – Спб.: "Златоуст", 2016. – 192 с.*), п. 68 (*ЛЭС*), п. 180 (*刘雪枫, 中华成语典故辞典. – 沈阳: 辽宁民族出版社, 1995. – 835 页*), являющиеся словарями, целесообразно отнести к соответствующему разделу.

Что касается использования такого лексикографического источника, как Он-лайн версия БКРС, то она не считается авторитетной, поскольку дополнения в нее может внести любой пользователь. Целесообразно использовать “твердую” копию в 4-х томах под ред. И.М. Ошанина.

При оформлении библиографических источников на китайском языке желательно давать их перевод на русский язык для единообразия, поскольку в тексте диссертации ссылки на них приводятся по-русски, и это затрудняет обращение читателя к оригиналу.

В китайских библиографических источниках после имени автора перед названием следует ставить точку, а не запятую (пп. 29-31, 33-35, 180-202), а диапазон страниц обозначать иероглифами 页码 или 页数.

Структура диссертации в целом обладает внутренним единством. Однако порядок расположения разделов во 2 главе, где сначала идет практическая часть, а затем – теоретическая 2.3, представляется не совсем логичным. Кроме того, Список условных сокращений удачнее было бы разместить перед Приложением с целью снятия трудностей восприятия у читателя.

Диссертационное сочинение написано хорошим языком научного изложения, несмотря на то, что диссертантке не удалось избежать грамматических ошибок и стилистических шероховатостей.

Выводы по главам и в конце диссертационного исследования четко и убедительно сформулированы, поэтому можно говорить о высокой степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций рецензируемой работы.

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на последние достижения лингвистики (русской, европейской и китайской), основательной теоретической базой, включающей большое количество научных источников, использованием правильно выбранной методики исследования, системным подходом к изучаемым явлениям, комплексным использованием современных методов и приемов исследования.

Автореферат и публикации (в том числе в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова) с достаточной полнотой отражают содержание диссертации.

Вышеуказанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.03 – «Славянские языки» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.

Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Спалек Оксана Николаевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – «Славянские языки».

Официальный оппонент:

кандидат филологических наук,

ДОЦЕНТ кафедры восточных и европейских языков

факультета дополнительного образования для

иностранных граждан

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный

лингвистический университет

имени Н.А. Добролюбова»

БАНКОВА Людмила Львовна

Специальность, по которой

официальным оппонентом была

защищена диссертация:

10.02.04 – Германские языки



Адрес места работы: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
east-west@lunn.ru, 8(312) 416-60-76